

ФУНКЦИИ ОБРАЗА ВРАГА В МАССМЕДИЙНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Двойненко Максим Олегович

Южно-Уральский государственный университет (НИУ),
Челябинск, Россия
dvoinenkomo@susu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены функции образа врага в массмедийном политическом дискурсе. Автор обосновывает опрошения политическими акторами к конструированию дискурса о враге на протяжении всей истории общественных отношений. Если на первых этапах развития цивилизации идентификация врага и его образа выполняла скорее защитную функцию, то в информационном обществе зачастую конструирование данного образа имеет сугубо прагматические и символические задачи, лишь иногда выступая фактором политического выживания. Массмедийный конструкт об образе врага рассматривается автором как искусственный продукт, создаваемый посредством медийных технологий в политической коммуникации, который выполняет функцию политической мобилизации, легитимации и политической отсрочки перемен.

Ключевые слова: политический дискурс; образ врага; медиаобразы; легитимация; политическая мобилизация; медиапространство; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации

FUNCTIONS OF THE ENEMY IMAGE IN MASS MEDIA POLITICAL DISCOURSE

Maxim O. Dvoinenko

South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia
dvoinenkomo@susu.ru

Abstract. The article considers the functions of the enemy image in the mass media political discourse. The author substantiates the use of the enemy discourse by political actors throughout the history of public relations. If at the first stages of the development of civilization, the identification of the enemy and his image was rather a defensive task, then in the information society, the construction of this image often has purely pragmatic and symbolic tasks, only sometimes acting as a factor of political survival. The author considers the mass-media construct about the image of the enemy as an artificial product created by means of media technologies in political communication, which performs the function of political mobilization, legitimization and political postponement of change.

Keywords: political discourse; the image of the enemy; media images; legitimation; political mobilization; media space; media linguistics; media discourse; media texts; mass media

В ходе эволюции общественных отношений место и понимание субъектности врага, особенно на стадии первобытного общества, играло чисто прагматическую функцию. «Враг» – это тот, кто несет непосредственную угрозу физическому выживанию. Такая опасность для наших предков могла быть как со стороны другого биологического вида (хищники, ядовитые растения, явления природы и т. д.), так и со стороны собственного вида (чужак) как форма борьбы за ресурсы, ареал обитания, доминирование. С развитием цивилизации и усложнением общественных отношений появилась угроза (враг), связанная с политическим и социальным выживанием общества и обусловленным им укладом жизни. Антропологи утверждают, что для нас как вида социальное выживание, предполагающее наше место в общественной иерархии, привилегии, статус, привычный уровень потребления, настолько же важно, как и биологическое выживание [1]. Тем самым с самого начала усложнения общественных отношений и развития государственных институтов борьба с врагом посредством придания ему устрашающих качеств выполняла функцию консолидации общественных настроений и становилась социальным ориентиром по формуле «МЫ не есть ОНИ». Образ врага в массовое сознание транслировали субъекты политической власти (политические акторы) через образы культуры, художественный, религиозный дискурс и т. д. Т. Парсонс обосновал неоднородность общества, его сложность, функционирующую в рамках системы: для функционирования этой системы необходимы постоянная опора на устойчивые элементы, которыми являются институты, а также постоянное порождение и укрепление способов связи между ними, в том числе и идеологического характера. Т. Парсонс считал, что лояльность общества относительно системы формирует обязательства по отношению к социальному коллективу как для его членов в целом, так и для государства [2, с. 25]. Дискурсивность такой лояльности достигается посредством борьбы с реальным или потенциальным врагом, а точнее противопоставлением абстрактного МЫ его образу, транслируемому в массовое сознание. Это прагматично с точки зрения социального выживания, а также дает возможность очертить идеологический круг символического врага. С. А. Зелинский рассматривает наличие врага в политической системе с той точки зрения, что враг в политике может быть не реальным, а символическим, тем самым не базирясь в плоскости политики безопасности, а выступая в качестве дискурса, порождаемого ценностной системой общества, который, по сути, охватывает все коммуникационные отношения внутренней и внешней политики. По мнению С. А. Зелинского, идеологический образ врага в политике выражается в преодолении комплексов политической неполноценности (собственных или национальных), активизировании процессов политической мобилизации общества, обосновании любой легитимности

и исключительности – «политика самоочевидного» [3, с. 64], тем самым оказывая эффект стабилизации в функционировании политической системы в целом.

Современный политический дискурс характеризуется перманентностью, многоканальностью и интерактивностью трансляций, становится массмедийным. Массмедийный образ врага можно определить как совокупность представлений, ожиданий о реальной или потенциальной угрозе для политического равновесия, устойчивости политической системы, политической и общественной стабильности в текущих условиях, невозможности реализации анонсированных политических преобразований в социальной сфере. Такой дискурс зачастую транслируется различными каналами традиционных и новых медиа, отличается ситуативностью повестки и выполняет ряд функций, напрямую влияя на устойчивость, привлекательность и легитимность политической власти и отдельных политических акторов, прибегающих к его конструированию.

Стоит отметить, что массмедийный образ врага в политической коммуникации тесно связан со сложившимися социальными и политическими установками общества: в массовом сознании он не возникает естественным образом, а является политическим продуктом. Данный тезис подтверждается исследованиями А. А. Керимова, изучающего массмедийную политическую коммуникацию. Автор утверждает, что массмедийная коммуникация характеризуется переходом от многоканальности к омниканальности и связанным с этим переходом перенасыщением информационной среды [4, с. 37–44].

Функции массмедийного образа врага в политическом дискурсе условно можно разделить на несколько больших групп по достижению символистических и прагматических политических задач.

Мобилизующая или функция побуждения.

В массмедийном аспекте функция политической мобилизации предполагает создание и трансляцию дискурса, направленного на объединение населения вокруг образа, олицетворяющего лидера, идею, отечество и т. д. Отдельно стоит отметить и то, что массмедийный дискурс врага может формироваться политическими акторами при проведении информационной политической кампании – например, в период электоральной кампании или как реакция на вызовы среды (теракты, природные катаклизмы, санкционная несправедливость). Л. Гудков дает определение врага и его функциональности как «явление, представляющее собой субъектный фактор, мобилирующий всех членов общества к солидарности и сплочению вокруг власти или группового авторитета, который гарантирует условия безопасности и избавления от угрозы уничтожения» [5, с. 7–79]. В данном контексте, формируемом массмедийным дискурсом, общество или отдельный его представитель должен пройти испыта-

ния, столкнуться с вызовом в широком смысле этого слова и преодолением трудностей, достижение позитивного исхода возможно только при консолидации вокруг базовой идеи, политического актора и т. д. в противовес абстрактному врагу. Итогом такой консолидации становится ожидание преобразования общественного устройства или частной жизни в позитивном контексте. Побуждая к борьбе с таким врагом, политический актор повышает собственную легитимность, влияет на расширение круга сторонников и рост числа сомневающихся в неоднозначности ситуации, которой противостоит массмедийный дискурс о враге.

Явный минус использования массмедийного образа врага для политической мобилизации – это постоянная необходимость наращивания уровня опасности и общественной тревожности. Тем самым обращение к массмедийному дискурсу врага в период, когда время ограничено, например, рамками электоральной кампании или иным краткосрочным событием, наиболее рационально. В долгосрочной перспективе у общества, скорее всего, разовьются привыкание и принятие потенциальной угрозы. Примером может служить опасность ядерного удара в поздний период холодной войны как потенциальная угроза доминирования и порабощения со стороны противника, которая к 70–80 гг. превратилась в стратегию сдерживания, а советские граждане уже воспринимали данность и относились к ней достаточно спокойно [6].

Функция легитимации.

Легитимность политической власти – это сложное и многоуровневое понятие. Особенность легитимности состоит в том, что политическому актору перманентно необходимо ее подкреплять, так как один из аспектов легитимности – доверие – находится в колеблющемся состоянии, а общественное мнение находится постоянно под влиянием внешних и внутренних факторов политической среды. Использование массмедийного дискурса, опирающегося на новые технологии, является уже устоявшейся мерой государства, особенность состоит лишь в том, что всегда появляются новые форматы и под них актерам нужно постоянно адаптироваться [7, с. 148–151]. В интересующем нас контексте легитимация выполняет функцию объяснения и подкрепления своевременности принятого политического решения, опираясь на конструкт вынужденного его принятия, при необходимости объясняет политические неудачи вмешательством враждебных сил внешнего и внутреннего происхождения. Примером такого явления может служить информационная кампания перед принятием поправок в Конституцию РФ в 2020 году, где одной из идей было сохранение собственной идентичности и отрицание «чуждых» современному российскому обществу паттернов поведения.

Еще один аспект, легитимирующий политическую власть при борьбе с массмедийным врагом, выражен в противодействии глобальным

угрозам – тем, которые несут потенциальную опасность для выживания современного нам общества в целом: мировой терроризм, экология, энергобезопасность, голод и т. д. Борьба с ними в целом повышает политические очки для переизбрания или поднятия своей легитимности. Так, борьба с терроризмом способствовала переизбранию Дж. Буша младшего, который проводил кампанию по борьбе с Усама бен Ладеном, президентом США в 2003 году, такая же стратегия в этот период способствовала легитимации президента РФ В. Путин. Более современный нам массмедийный дискурс политиков предполагает борьбу за экологию: пример – Эммануэль Макрон и атомная энергетика в 2018 году. Также можно отметить борьбу с потенциальным мировым голодом в 2022 году странами коллективного Запада, создание зерновой сделки и т. д. Итог: важна не сама победа над врагом, а информационная кампания относительно самого процесса борьбы.

Функция политической отсрочки перемен.

Данную функцию можно охарактеризовать как крайне прагматичную, и это обусловлено тем, что она находится на стыке мобилизации и легитимизации общественных настроений. В данном случае массмедийный образ врага в политическом дискурсе отвечает на вопрос об отсутствии социальных преобразований, реформ или их несвоевременности. Ярким гиперболизированным примером такого дискурса является деятельность организации «Национально-освободительное движение» (НОД), политический дискурс которой строится на формуле *«в России утерян суверенитет – как его восстановим, так и будут позитивные перемены»*.

Таким образом, образ врага в массмедийном политическом дискурсе имеет особые свойства символической направленности и прагматической политической борьбы. В данном контексте мы рассматриваем дискурс как продукт деятельности политических акторов, выполняющих базовые функции мобилизации населения, легитимизации политической власти и функции интерпретации реальности, выраженной в объяснении отсрочки политических перемен или в институциональной консолидации системы. Как подчеркивалось выше, использование такого дискурсивного конструкта в медийном пространстве целесообразно в краткосрочной перспективе, в долгосрочной же это чревато развитием невосприимчивости общества к транслируемым угрозам, а вместе с этим и необходимостью увеличения градуса тревожности.

Список литературы

1. Пинкер С. Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше. Москва: Альпина Паблишер, 2021. 1550 с.
2. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

3. Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2008. 280 с.
4. Керимов А. А. Об особенностях политических медиакоммуникаций в цифровую эпоху // Koinon. 2022. Т. 3, № 1. С. 37–44.
5. Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. 334 с.
6. Тренин Д. В. Интервью «Реальный страх перед ядерным оружием действительно появился» // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strah-pered-yadernym-oruzhiem/> (дата обращения: 27.02.2023).
7. Брега А. А., Брега Г. В. Изменение политических технологий легитимации власти в условиях сетевизации общества // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 148–151.